

А. А. Бреусенко-Кузнецов <https://orcid.org/0000-0001-7951-7325>

О бессознательных аспектах интеграции психологического знания

Для цитирования: Бреусенко-Кузнецов А. А. О бессознательных аспектах интеграции психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 108-116.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-3-114-108-116

Статья посвящена интеграции психологического знания как проблеме. Указана связь интегративной активности ученых с перманентным кризисом психологической науки (осознанным методологами психологии в данном качестве на рубеже XX-XXI вв.). Интеграция психологического знания рассмотрена как процесс, который может принести развитию науки как пользу, так и вред, в зависимости от способа и форм этой интеграции. В то же время и дезинтегративная активность ученых признана целесообразной в некоторых неблагоприятных условиях, например в случае расхождения с господствующей в науке идеологией. Задача статьи состоит в определении и осмыслении бессознательных деструктивных аспектов осознанно-конструктивного стремления психологов к интеграции своей науки. Рассмотрены и проинтерпретированы с точки зрения глубинной психологии следующие неосознанные аспекты проблемы: 1) кризисное становление научной психологии как историко-психологическая предпосылка неадекватного методологического самосознания ее субъектов (его иллюстрирует миф о соломоновом решении); 2) защитная роль позитивистской демаркации психологической науки, претендующей на универсальность и отторгающей опасный опыт (ее иллюстрирует 1-я топическая модель в метапсихологии З. Фрейда); 3) ритуальная функция методологических правил научного исследования. В последнем аспекте решение «головоломок» как ведущая форма задач «нормальной науки», по Т. Куну, приобретает компенсаторный смысл, типичный для навязчивого ритуального действия невротиков (эту связь З. Фрейд акцентировал в отношении религиозных обрядов). Защитные формы поведения компенсируют тревожный характер методологического самосознания науки. Ритуальное поведение ученых-психологов опирается на базовые мифологемы позитивизма. Оно реализуется не только в процессе получения научного знания, но и в характерном для наукометрических изданий способе обусловливания публикаций.

Ключевые слова: научная психология, методология, парадигма, кризис, сциентизм, бессознательное, интеграция психологического знания.

A. A. Breusenکو-Kuznetsov

About the unconscious aspects of integration of psychological knowledge

The article is devoted to the integration of psychological knowledge as a problem. The unity between integrative activity of scientists and a permanent crisis of psychological science is specified (the crisis was realized in the given quality by psychology methodologists at the boundary between the XX-XXI centuries). Integration of psychological knowledge is considered to be the process which can bring both benefits as well as harm for the development of the psychological science depending on the way and forms of this integration. At the same time disintegrative activity of scientists is recognized expedient in some adverse conditions, for example, in case of divergence with ideology dominating in the science. The article deals with the definition and judgement of unconscious destructive aspects of conscious constructive aspiration of psychologists to integration of their science. The following unconscious aspects of the problem are considered and reflected from the point of view of depth psychology: 1) the crisis formation of scientific psychology as the history-psychological precondition of inadequate methodological consciousness of its subjects (it is illustrated by the myth about the «Solomon decision»); 2) a protective role of positivistic demarcation of the psychological science applying for universality (it is illustrated by the 1-st topic model in S. Freud's metapsychology); 3) a ritual function of methodological rules of scientific research. In the last aspect doing the «puzzles» as the leading form of tasks of a «normal science» according to T. Kuhn has the compensatory sense typical for persuasive ritual action of neurotics (which analogy was stressed by S. Freud concerning religious practices). Protective forms of behaviour compensate the disturbing character of methodological consciousness of the psychological science. The ritual behaviour of scientist-psychologists is based on the basic mythologemes of positivism. This ritual behavior is realized not only in the process of getting scientific knowledge, but also in the way of conditioning publications typical for scientometric editions.

Keywords: scientific psychology, methodology, a paradigm, crisis, scientism, unconscious, integration of psychological knowledge.

Введение

Общая проблема статьи – интеграция психологического знания в контексте кризиса психологии. Привычное видение интеграции как цели или задачи, когда суть проблемы в дезинтеграции, – справедливо по отношению к процессам простым и однозначным. Интеграция же психологического знания внутренне проблемна, настолько, что актуальным становится медицинское правило «не навреди». В свою очередь, и дезинтеграцию психологического знания вряд ли стоит представлять как полностью стихийный процесс. Иногда это целесообразная реакция ученых на те или иные малотолерантные способы и формы интеграции, предлагаемые на пике обострения очередного методологического кризиса. В сопротивлении ученых интегративным тенденциям кто-то увидит проявление инертности, ригидности, узости мысли, но в нем же может реализоваться и осознанный субъективный выбор.

Так, Г. И. Челпанов отверг интегративные проекты марксистской психологии: «реактологию» К. Н. Корнилова он язвительно раскритиковал на съездах, а «общей науке» Л. С. Выготского оппонировал опосредованно – на страницах его же работ. «Отстал» ли Г. И. Челпанов в 1920-е гг. от научной жизни? Нет, он «разошелся» с данными проектами, ведь они были не столько интегративны по замыслу, сколько селективны.

Проект Л. С. Выготского предполагал ассимилировать психоанализ и бихевиоризм, а метафизическую психологию – просто потерять; как мы знаем теперь, интегративная цель его «общей психологии» так и не была реализована, зато селективная – вполне. Богатейший пласт отечественных метафизических теорий личности (реконструированный нами [Бреусенко-Кузнецов, 2016]) для психолога постсоветского времени – terra incognita, куда, при доступности первоисточников, некому заглянуть.

Мы считаем, что в отдельных случаях негативная цена интеграции психологической науки может превысить цену ее дезинтеграции. Причины такой деструктивности – в основном идеологические, но в способности идеологии мимикрировать под методологию науки нет оснований сомневаться. Особенно сказанное касается идеологии сциентизма, успешно подменяющей научность культом научности.

Таким образом, задача нашей статьи в большей степени критическая: определить и осмыс-

лить бессознательные (возможно, деструктивные) аспекты конструктивного стремления психологов к интеграции своей науки. Данная задача в чем-то подобна проведенному юнгианцем А. Гуггенбулем-Крейгом анализу скрытой деструктивности помогающих профессий, итогом которого стали теневые образы «инквизитора» и «шарлатана» (для социального работника и психотерапевта соответственно), а также архетип «раненого целителя», позволяющий творчески синтезировать противоположности [Guggenbühl Craig, 1971].

Наше убеждение состоит в том, что методологическое обеспечение интеграции психологического знания должно учитывать и бессознательную подоплеку тех или иных интегративных планов, целей, решений и действий – подобно тому, как участию терапевта в интеграции личности клиента должна предшествовать его собственная проработка. Во всяком случае, поучительный опыт осуществления ряда прошлых интегративных проектов в психологической науке к таким параллелям предрасполагает.

Кризис психологии в свете мифа о ее рождении

Перманентность кризисного восприятия учеными методологии психологии отмечена в статьях разных авторов [Двойнин, 2016; Мазиллов, 2007; Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2016; Мазиллов, 2017а; Мазиллов, 2017б; Мазиллов, 2019; Юревич, 1999; Юревич, 2001; Юревич, 2005а; Юревич, 2005б; Юревич, 2010]. В. А. Мазиллов в этом кризисе выделяет три уровня: локальный (внутри школы), парадигмальный (между герменевтической и естественно-научной позициями), глубинный (перманентный, «конструктивно заложенный», связанный с ограничением предмета научной психологии) [Мазиллов, 2017, с. 486-487], А. В. Юревич – три измерения, такие как кризис естественно-научности (внутри доминирующей парадигмы), дивергенция двух ветвей психологии («схизис» социодигм), кризис рациональности (конкуренция метадигом) [Юревич, 1999, с. 5].

Если В. А. Мазиллов связывает перманентную кризисность с недоразвитостью психологии как науки, то А. В. Юревич указывает, что «психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и неадекватным самовосприятием» [Юревич, 2001, с. 12]. А. М. Двойнин также считает,

что кризисным является не состояние мировой науки, а восприятие своей идентичности российскими психологами старшего поколения; исцелить их должен методологически содержательный диалог с ученой молодежью [Двойнин, 2016]. Мы же полагаем, что это решение слишком бесхитростно, так как катастрофизм мировосприятия задан идеологией сциентизма.

Имеет ли психологический кризис методологический характер или нет, но его симптоматика налицо: если введенные в заблуждение субъекты научного поиска массово ведут себя кризисным образом, то недооценивать серьезность ситуации – заблуждение.

Напрашивается параллель с переходом З. Фрейда от первой, травматической, версии этиологии истерии ко второй, связанной с открытием «психической реальности» – факта, что фантазии пациентов могут играть в точности такую же патогенную роль, как и объективно нанесенная травма.

Нет ли и в происхождении научной психологии подобной травматической ситуации – реальной или фантазийной? В. А. Мазиллов предлагает «признать удивительный факт: даты появления кризиса и рождения научной психологии совпадают» [Мазиллов, 2019, с. 92]. И верно: считать ли годом ее основания 1879 г. (открытие лаборатории) или 1874 (издание «Основ физиологической психологии» В. Вундта) – мировосприятие психологов в этот период выражено в кризисных метафорах.

Ф. Ланге («психология без души») и Н. Н. Ланге («Приам на развалинах Трои») живописуют не что иное, как травматический опыт. Пусть фантазийный, но представленный в психической реальности научных субъектов и действенный по последствиям. В связи с этим заметим: модель появления научной психологии от сложившегося избытка предпосылок далека от реальности. В своем рождении научная психология нечто значимое предала (потеряла). Можно ли считать живорожденным дитя, в момент рождения лишившееся души?

Говоря о «рождении» научной психологии, мы прибегаем к «акушерской» метафоре кризиса, которая, по мнению В. А. Мазилова, «ориентирует на скорое получение результата. Этот результат будет в обозримом будущем, когда появится новое. Это очень хорошо соответствует революционному нетерпению – получить все и быстро («Беременная – это временно»). В том случае, если такая метафора применяется к другому про-

цессу, который «протекает медленнее, требует создания специальных условий и т. д., возможны недопонимания и сложные ситуации» [Мазиллов, 2019, с. 94].

Из анализа В. А. Мазилова, кстати, следует: научная психология неоднократно «не успевала» родиться, но, начиная с В. Вундта, искушала психологов преждевременно рапортовать о достигнутых рубежах; Л. С. Выготский тоже писал о «беременности» психологии «общей наукой».

Указание В. А. Мазилова на неадекватность «акушерской» метафоры кризиса, заставляющей психологов судьбоносные для науки вопросы решать в спешке, представляется нам справедливым. Но нетерпение – скорее симптом, а не причина неблагополучия.

Куда спешили В. Вундт, Л. С. Выготский и другие творцы научной психологии? Может, надеялись переиграть оппонентов, опасаясь, что на «развалины Трои» заявит свои права кто-нибудь еще?

Вместо «акушерской» метафоры кризиса психологии В. А. Мазиллов предлагает метафору «суда», взятую из греческой этимологии слова «кризис». Суд не торопится, длится сколько нужно. «Мы пытаемся выяснить подлинные возможности психологии и найти шаги к увеличению ее могущества как фундаментальной науки. Суд должен помочь понять, что нужно делать, в том числе и сегодня» [Мазиллов, 2019, с. 98].

Соглашаясь с достоинствами метафоры суда, мы все-таки считаем, что «акушерская» метафора не сугубо патогенна, но содержит и полезные методологические ресурсы. Не зря ее применил Сократ в именовании майевтики – ключевой стадии «Сократического диалога». Да и суд в случае Сократа предстал в «теневой» версии.

Впрочем, существует история, объединяющая кризисные темы рождения и суда в более информативном ключе по отношению к кризису научной психологии (правда, речь уже о мифе, не о метафоре) – библейский миф о соломоновом решении, принятом в отношении судьбы младенца, на материнскую роль по отношению к которому претендовало две женщины.

В истории психологии соперницам соответствуют два способа познания: 1) *естественно-научный* (в экспериментальной радикальной версии и интроспективной умеренной); 2) *метафизический* (в психологии философской). А вот фигуры мудрого царя Соломона (истинного мудреца в царском статусе) эпоха сциентизма не дала. Удивляться ли, что что-то пошло не так?

«Травма рождения» научной психологии «заключалась в том, что родилась она далеко не полностью. На свет появилась лишь составная ее часть, худо-бедно способная функционировать, но в сниженном, редуцированном модусе. По меткому выражению Ф. Ланге, этот обломок психологии предстал “психологией без души”, каковая характеристика, заметим, весьма близка самоописаниям переживаний людей в депрессивных состояниях, в фазе истощения ПТСР.

Заметим, травматизация психологии имеет не естественное, а культурное происхождение – она состоялась в результате жертвоприношения. Некой важной частью – прежней (метафизической) версией своего предмета – ученые-психологи целенаправленно пожертвовали. Увы, соломоново решение относительно судьбы дитяти принимали инстанции, не наделенные мудростью царя Соломона. Истинная мать, отступившая от ребенка ради сохранения его целостности, осталась ни с чем. Дитя вручили уверенной в себе расчленительнице, набившей руку в физиологических лабораториях. Она-то и вынула из него душу» [Бреусенко-Кузнецов, 2018, с. 30].

Наше столкновение конфронтационно (в терапевтическом смысле), но к метафоре суда В. А. Мазилова мы добавили лишь один важный штрих: судимы не только идеальные концепции на основе исторических жизненных реалий (в этом – индуктивный суд эмпиризма), но и волевые действия, решения субъектов психологической науки в свете умопостигаемых канонов должного (дедуктивный суд, требующий отказа от редуccionизма, от «лишения души» и сведения предмета научной психологии к чему-то более частному, простому и поверхностному).

Функция границ интегрируемой науки

Мы полагаем, что поспешность выделения психологии в отдельную науку, о которой говорит В. А. Мазилев, соотносится с конкурентным (дарвинистским по базовой метафоре, рыночным по сути) образом науки, который отстаивает сциентистское науковедение. Спешка предписывается ученым, чтобы победить в борьбе за существование: кто не успевает на поезд современной науки, остается в пройденных этапах ее истории. Смена парадигм в естествознании следует правилу «должен остаться только один»; в гуманитарных науках парадигмы сосуществуют.

Проблема научной психологии в том, что в качестве доминирующей модели научности ею принята естественно-научная. Единственной формой интеграции психологического знания,

признаваемой сциентистами, становится его насильственная унификация, подчинение единственной всеобъемлющей теории – желательной собственной. Поскольку же теория претендует на всеохватность, ее границы должны совпадать с границами науки – просто по определению.

Методология такой интеграции жестко монистична, результаты плачевны: границы науки сужаются вместо того, чтобы прирастать. Ныне действующие позитивистские критерии их демаркации несовершенны. В. М. Аллахвердов выделяет три типичных критерия: 1) эмпирические факты – «только то, что можно наблюдать и измерять, является научным» [Аллахвердов, 2018, с. 49-50]; 2) логическая очевидность – «научные построения не должны противоречить друг другу, противоречивое знание не может считаться научным» [Аллахвердов, 2018, с. 54]; 3) практический эффект – указывает на утопичность надежд по поводу каждого из них. Правда, сам В. М. Аллахвердов надеется продолжить этот список и прийти к удовлетворительному демаркационному критерию.

В монографии о метафизической традиции в психологии личности нами показано, что позитивистские демаркационные критерии научности (фальсификационизм К. Поппера) не являются универсальными, а справедливы лишь в пределах позитивистской методологической модели. Строго говоря, критерии К. Поппера разработаны для естественных наук, из наук же гуманитарных поддерживают лишь те образцы научных теорий, которые построены по аналогии с теориями естествознания. Иные не фальсифицируемы.

С точки зрения истолковательных моделей глубинной психологии проблема демаркации представляет границу систем «сознание / бессознательное» во внутреннем мире субъекта психологической науки. Только на месте сознания в данном случае находится наука (осознанная в качестве таковой), а на месте бессознательного – нечто, в качестве науки не осознанное.

Инстанция, препятствующая смешиванию одного с другим, на языке 1-й топической модели З. Фрейда именуется цензурой. Она не пропускает в науку представления, которые вызывают у ученых тревогу, ибо нарушают базовые культурные запреты (у З. Фрейда речь шла о табу на инцест, каннибализм и пр., мы же помним о сциентистском табу на метафизику – она и становится главным предметом вытеснения).

Попытка же ученых представить условно проводимую демаркационную линию как без-

условно внешние границы научной психологии (до этих пор – наука, а за ними – нечто нам чуждое, постороннее) дает основание предположить, что ведущим защитным механизмом в данном случае может служить и проекция.

Отметим также, что подобного рода проецирующий демаркационизм характерен не только для экспериментальных направлений в психологии, но и для всех, на которые сциентизм повлиял, не исключая и психоанализа. Когда З. Фрейд в личной беседе просит К. Г. Юнга никогда не отказываться от сексуальной теории, а превратить ее в «догму», в «бастион» против «потока черной грязи», сиречь «окультизма» [Юнг, 1994, с. 155], мы отмечаем сходный демаркационистский паттерн. Если К. Г. Юнг, чей способ адаптации к сциентистской научной среде сводится к предостерегающей окраске, легко развернул свой научный бастион в поддержку «окультизма» против сциентизма, то З. Фрейд считал психоанализ естественной наукой и, проводя границу с не-наукой, видел себя на переднем крае сциентистской обороны, не ожидая удара в спину, а затем трактуя его в лестном для себя ключе «сопротивления психоанализу».

Ритуализация научной жизни как защитный симптом

Говоря о главных вариантах интегративных проектов в психологии, мы выделяем нигилистические, монистические и плюралистические [Бреусенко-Кузнецов, 2018] (аналогично типологии методологических подходов С. Д. Смирнова, который различает методологические: 1) нигилизм; 2) ригоризм (монизм); 3) либерализм, 4) плюрализм [Смирнов, 2005]), притом полагаем, что к плюрализму проектов более склонны подходы гуманитарные, а к монизму – естественно-научные.

Напомним, по Т. Куну, *парадигмы* «являются источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения, принятых неким развитым научным сообществом в данное время» [Кун, 2003, с. 142]. Аналогично, по И. Лакатосу, *исследовательская программа* «складывается из методологических правил: часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [Лакатос, 2003, с. 322]. В естественных науках в каждый период времени доминирует некая парадигма (исследовательская программа), в гуманитарных – парадигмы не сменяются,

а сосуществуют. Позитивисты эту особенность относят на счет недоразвитости гуманитарного знания.

Для излечения от комплекса неполноценности А. В. Юревич рекомендует психологам помнить о принципиальном отличии своей науки от естествознания, о ее отнюдь не до- (как уверяли позитивисты), а о мульти- либо даже о вне-парадигмальности, – при которой единая парадигма невозможна, а состояние плюрализма самостоятельных подходов вполне нормально.

М. Г. Чеснокова выделяет 4 исследовательские парадигмы психологии – гносеологическую, феноменологическую, деятельностьную, экзистенциальную. В практическом применении они трансформируются: «гносеологическая парадигма перерождается в технологическую, деятельностьная – в психотехническую, а феноменологическая и экзистенциальная образуют единый ”сплав” – экзистенциально-феноменологическую парадигму в психологии» [Чеснокова, 2016, с. 78].

А. В. Юревич, чтобы не путать разноуровневые явления, различает метадиогмы (с разным типом рациональности), парадигмы (естественная/гуманитарная), метатеории и социодиогмы (психология академическая/практическая) [Юревич, 1999; Юревич, 2005а; Юревич, 2005б], что представляется нам эвристичным.

Заметно тяготение сциентистов к содержанию узким определениям парадигмы в психологии. Так, по Г. Ю. Айзенку, «парадигма – это теоретическая модель, разделяемая большинством работников данной области, включающая согласованные методы исследования, принятые нормы доказательства и опровержения, процедуры экспериментальной верификации» [Eysenck, 1991, p. 774], то есть выбор парадигм ограничен условием: все парадигмы – экспериментальные.

И хотя автором в данное определение заложено высокомерное игнорирование не-экспериментальных направлений в науке, мы толкуем его иначе. Понятие «парадигмы» пришло в психологию из науковедения, ориентированного на методологию естествознания, как и экспериментальный метод. Вероятно, понятие парадигмы в классическом куновском смысле применимо к психологии в той мере, в какой она имитирует тип развития, характерный для естественных наук.

Имитация такого рода имела место не только в экспериментальной традиции, но и в психоанализе, хотя эта школа живет в самоизоляции от

академической среды и общими конвенциями с нею не связана. Но историческая общность судьбы шире осознанных конвенций.

Полагаем, главной причиной претензий к психоанализу сциентистской академической среды выступило не содержание открытий З. Фрейда, а способ получения знаний в психоанализе – идеографический, герменевтический. Он расшатывал основы того, что сциентисты считали наукой. Что же они ею считали? З. Фрейд удивился бы, но речь об обязательном к исполнению навязчивом ритуале.

Внимательно сопоставляя религиозные ритуалы с невротическими навязчивостями – в работах «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907) и «Тотем и табу» (1912) религия видится исключительно сквозь призму ритуальности вплоть до ее сведения к обсессивно-компульсивному неврозу [Фрейд, 2005; Freud, 1908], – З. Фрейд ни разу не пытается отыскать навязчивые ритуалы в науке. Но данная симптоматика видна невооруженным глазом.

А. В. Юревич находит ее в однообразной структуре большинства научных статей: «теория + гипотеза + эксперимент», в компульсивных подсчетах корреляций, принятых в академической среде с целью приблизить эмпирический этап исследования к сциентистскому идеалу, в культе подтверждающей силы математики. «Причем сами психологи, – замечает А. В. Юревич, – ... не привыкли задумываться над смыслом всех этих процедур, считая их само собой разумеющимися и выражающими естественные ... правила научного познания» [Юревич, 2001, с. 6].

Из метапозиции ясно: эти правила не естественны, а исходят от иррационального фантазийного образца естественной науки. Впрочем, как и у клинических симптомов, у навязчивых ритуалов науки тоже есть смысл – разумеется, скрытый. А. В. Юревич выделяет три смысловых слоя: а) конвенциональный (нарушение чревато социальными трудностями); б) символический (имитация исследовательских приемов естествознания); в) гносеологический (утопическое ожидание, что точечные корреляции сольются в общие законы) [Юревич, 2001, с. 6].

Поскольку трудоемкая форма исследовательского поведения воспроизводится на всем протяжении существования экспериментальной психологии почти без попыток упрощения на основе осознанной рефлексии, в основе данного симптома, по-видимому, должны лежать насыщающие

его энергией конфликтные стремления. А. В. Юревич говорит и о них – в терминах «позитивистского перенапряжения» психологии, которое «выражается в ее неспособности следовать позитивистским стандартам, оформившимся в результате неадекватного обобщения опыта естественных наук» [Юревич, 2001, с. 5].

Позитивистские стандарты исходят из шести мифологем: 1) научное знание строится на твердых эмпирических фактах; 2) теории выводятся из фактов (и, следовательно, вторичны по отношению к ним); 3) наука развивается посредством постепенного накопления фактов; 4) поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение; 5) теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции; 6) теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку эмпирическим опытом [Юревич, 2001, с. 5].

Любопытно, что те же мифологемы (но без экспериментальной стандартизации) брал за основу и З. Фрейд, стараясь превратить психоанализ в естественную науку, как он ее понимал. Именно в угоду логике движения науки, заданной представленными тезисами, основатель психоанализа акцентировал значение клинического опыта для построения клинических теорий вплоть до уровня метапсихологии (сначала были эмпирические факты!); индуктивный характер построения теорий (они вторичны!); отрицал существенное влияние философских учений на метапсихологию (теории полностью выводятся из опыта и только из него!); не афишировал применения метапсихологии в качестве базовой системы ориентиров в истолковании фактов (факты имеют самостоятельное значение!); понимаемыми взаимосвязями клинического опыта старался подтвердить объяснительные теории (теории принимаются на основе проверки!).

В постфрейдовском развитии методологии психоанализа важна роль Ж. Лакана: он освободил ее от натурализма и систематически устранил моменты уязвимости, связанные с влиянием данных мифологем. Однако надежды психоаналитиков на естественно-научный статус их учения не преодолены. Легко проигнорировав критику К. Поппера (теории психоанализа не фальсифицируемы, «вторая топика» имеет умозрительное (метафизическое) происхождение, наблюдения не содержат критериев опровержения, инсайты легко объяснимы с точки зрения

эффектов самосбывающегося внушения [Поппер, 1983]), аналитики попались в ловушку А. Грюнбаума. Последний не только признал естественно-научный характер и принципиальную фальсифицируемость психоаналитических теорий [Грюнбаум, 1991], но даже сподвигся на жесткую полемику с Ю. Хабермасом и П. Рикером, видящими в психоанализе герменевтическое учение [Рикер, 1995; Хабермас, 2003], но лишь для того, чтобы вытянуть эти теории в поле сциентистской критики и тут же ловко опровергнуть [Грюнбаум, 2007].

Говоря о ритуалах научной психологии, вспомним, что парадигма у Т. Куна представляет собой «общепризнанный образец», в русле правил которого развивается «нормальная наука», занятая решением «головоломок» – проблем, не претендующих на революционные открытия. Собственно, решение в заданных правилах разных классов головоломок – исследовательских (направленных на предмет), полемических (направленных на соперника) – и составляет научные ритуалы, функция которых подобна магическим оберегам: структурировать тревожащий хаос в знакомую космическую картину и успокоиться. Нарушение ритуала при этом маркируется как преступление против священных табу – запретительных принципов той методологии, на которой центрирован арбитр. Собственно, в отсутствие методологического плюрализма, децентрирующего сознание ученого, интегрированная картина психологического знания функционально так и остается мифом, предписывающим ритуалы магических практик.

Заключение

Нами осмыслено три аспекта, негативно влияющих на интегративно направленную методологическую мысль в психологии. Первый связан с «травмой рождения» науки, в истолковании которой мы применили миф о соломоновом решении, являющийся сущностным углублением на пересечении двух метафор кризиса – «акушерской» и судебной. Итогом «судебной неадекватности» и поспешности основателей научной психологии признан тревожный характер методологического самосознания науки.

Второй аспект связан с демаркацией внешних границ психологии – в его содержании сопричастствуют моменты защитного поведения, конкурентного и манипулятивного. Защита мобилизуется учеными по причине тревоги за собственную научную состоятельность, конкуренция носит компенсаторный характер, а манипуляция

характеризует презентацию частных методологических правил в качестве универсальных критериев научности.

Третий аспект – ритуальный – также несет защитную функцию. Ритуалы структурируют творческую жизнь научного сообщества в ее ориентированном на решение «головоломок» внутрипарадигмальном модусе. Нарушение ритуалов расценивается как опасное, ибо ставит под сомнение универсальность и необходимость такого рода задач и умственных операций. Ритуализированной является не только сама научно-исследовательская деятельность; процесс ее презентации в наукометрических изданиях сегодня также являет пример необходимости выполнения требований, внешних логике научного поиска и понимаемых нами в свете сциентистских мифологем (о неуклонном прогрессе, в котором всякое новое исследование совершеннее предыдущего, об успехах западной науки, на которые надо равняться, и пр.).

Библиографический список

1. Аллахвердов В. М. Психология как наука и проблема демаркации (статья первая) // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 46-57.
2. Бреусенко-Кузнецов А. А. История проектов интеграции психологического знания: осмысление в свете кризисов научной психологии // Теоретичні дослідження у психології : Збірник статей. Т. 5. / Впор. В. А. Медінцев. Харьков : Монограф, 2018. С. 27-75.
3. Бреусенко-Кузнецов А. А. Метафизическая традиция в психологии личности : монография. Киев : Логос, 2016. 384 с.
4. Грюнбаум А. Критика психоанализа // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 105-129.
5. Грюнбаум А. Теория Фрейда и философия науки // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 90-106.
6. Двойнин А. М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 45-54.
7. Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. Москва : ООО «Изд-во АСТ», 2003. 605 с.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. Москва : ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 269-454.
9. Мазилев В. А. Кризис психологии: Была ли Троя? // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 19-29.
10. Мазилев В. А. Кризис психологии: новое понимание и трактовка // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108). С. 90-100.
11. Мазилев В. А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Жур-

нал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3-21.

12. Мазиллов В. А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017а. № 6. С. 107-116.

13. Мазиллов В. А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. Т. 38. 2017б. № 5. С. 97-102.

14. Мазиллов В. А. Психология: кризис и поиск предмета // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 474-491.

15. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания : избр. работы. Москва : Прогресс, 1983. 605 с.

16. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. Москва : Медиум, 1995. 415 с.

17. Смирнов С. Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3-9.

18. Фрейд З. Тотем и Табу. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 256 с.

19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва : Весь Мир, 2003. 416 с.

20. Чеснокова М. Г. О парадигмах психологии // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2016. № 4. С. 61-83.

21. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. К. : AirLand, 1994. 405 с.

22. Юревич А. В. Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005а. № 2. С. 147-151.

23. Юревич А. В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Выпуск 3. С. 90-105.

24. Юревич А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005б. № 3. С. 16-28.

25. Юревич А. В. «Методологический либерализм» в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3-19.

26. Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-12.

27. Eysenck H. J. Dimensions of personality: 16, 5, or 3? Criteria for a taxonomic paradigm // Personality and Individual Differences. 1991. V. 12. P. 773-790.

28. Freud S. Zwangshandlungen und Religionsubungen // Zeitschrift fur Religionspsychologie, Band 1, Heft 1, Halle a. S., Carl Marhold, 1908 [Wien, im Februar 1907], pp. 4-12.

29. Guggenbühl Craig Adolf. Macht als Gefahr beim Helfer. Zürich, 1971. 116 p.

Reference list

1. Allahverdiv V. M. Psihologija kak nauka i problema demarkacii (stat'ja pervaja) = Psychology as a science and the problem of demarcation (Article One) // Metodologija i istorija psihologii. 2018. Vyp. 1. S. 46-57.

2. Breusenko-Kuznecov A. A. Istorija proektov integracii psihologicheskogo znanija: osmyslenie v svete

krizisov nauchnoj psihologii = History of projects for the integration of psychological knowledge: understanding in the light of the crises of scientific psychology // Teoretichni doslidzhennja u psihologii : Zbirnik statej. T. 5. / Vpor. V. A. Medincev. Har'kov : Monograf, 2018. S. 27-75.

3. Breusenko-Kuznecov A. A. Metafizicheskaja tradicija v psihologii lichnosti = Metaphysical tradition in personality psychology : monografija. Kiev : Logos, 2016. 384 s.

4. Grjunbaum A. Kritika psihoanaliza = Criticism of psychoanalysis // Voprosy filosofii. 2007. № 3. S. 105-129.

5. Grjunbaum A. Teorija Frejda i filosofija nauki = Freud Theory and Philosophy of Science // Voprosy filosofii. 1991. № 4. S. 90-106.

6. Dvojnin A. M. Krizis v psihologii ili vnuti nas samih? = Is a crisis in psychology or within ourselves? // Voprosy psihologii. 2016. № 1. S. 45-54.

7. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij = Structure of scientific revolutions / sost. V. Ju. Kuznecov. Moskva : OOO «Izd-vo AST», 2003. 605 s.

8. Lakatos I. Fal'sifikacija i metodologija nauchno-issledovatel'skih programm = Falsification and methodology of research programmes // Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. Moskva : OOO «Izd-vo AST», 2003. S. 269-454.

9. Mazilov V. A. Krizis psihologii: Byla li Troja? = Crisis of psychology: Was there Troy? // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2015. T. 25. Vyp. 3. S. 19-29.

10. Mazilov V. A. Krizis psihologii: novoe ponimanie i traktovka = Crisis of psychology: new understanding and interpretation // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 3 (108). S. 90-100.

11. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoi nauki: problemy i perspektivy = Methodology of psychological science: problems and perspectives // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2007. T. 4. № 2. S. 3-21.

12. Mazilov V. A. Progress na fone krizisa = Progress against the background of the crisis // Voprosy psihologii. 2017а. № 6. S. 107-116.

13. Mazilov V. A. Psihologija: vzgljad v budushhee = Psychology: looking to the Future // Psihologicheskij zhurnal. T. 38. 2017b. № 5. S. 97-102.

14. Mazilov V. A. Psihologija: krizis i poisk predmeta = Psychology: crisis and the search for the subject // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 6. S. 474-491.

15. Popper K. R. Logika i rost nauchnogo znanija = Logic and the growth of scientific knowledge: izbr. raboty. Moskva : Progress, 1983. 605 s.

16. Riker P. Konflikt interpretacij. Oчерки о герменевтике = Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / per. s fr. Moskva : Medium, 1995. 415 s.

17. Smirnov S. D. Metodologicheskij pljuralizm i predmet psihologii = Methodological pluralism and the

- subject of psychology // *Voprosy psihologii*. 2005. № 4. S. 3-9.
18. Frejd Z. Totem i Tabu = Totem and Taboo. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 256 s.
19. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne = Philosophical discourse on Art Nouveau. Moskva : Ves' Mir, 2003. 416 s.
20. Chesnokova M. G. O paradimah psihologii = About psychology paradigms // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 14. Psihologija*. 2016. № 4. S. 61-83.
21. Jung K. G. Vospominanija, snovidenija, razmyshlenija = Memoirs, dreams, reflections / per. s nem. K. : AirLand, 1994. 405 s.
22. Jurevich A. V. Estestvenno-nauchnaja i gumanitarnaja paradigmy v psihologii, ili Raskachannyj majatni = Natural science and Humanities paradigms in psychology, or rocked pendulum k // *Voprosy psihologii*. 2005a. № 2. S. 147-151.
23. Jurevich A. V. Eshhe raz o «shizise» issledovatel'skoj i praktičeskoj psihologii = Once again about the «schism» of research and practical psychology // *Metodologija i istorija psihologii*. 2010. Tom 5. Vypusk 3. S. 90-105.
24. Jurevich A. V. Integracija psihologii: utopija ili real'nost'? = Integration of psychology: utopia or reality? // *Voprosy psihologii*. 2005b. № 3. S. 16-28.
25. Jurevich A. V. «Metodologičeskij liberalizm» v psihologii = «Methodological liberalism» in psychology // *Voprosy psihologii*. 2001. № 5. S. 3-19.
26. Jurevich A. V. Sistemnyj krizis psihologii = System crisis of psychology // *Voprosy psihologii*. 1999. № 2. S. 3-12.
27. Eysenck H. J. Dimensions of personality: 16, 5, or 3? Criteria for a taxonomic paradigm // *Personality and Individual Differences*. 1991. V. 12. P. 773-790.
28. Freud S. Zwangshandlungen und Religionsubungen // *Zeitschrift fur Religionspsychologie*, Band 1, Heft 1, Halle a. S., Carl Marhold, 1908 [Wien, im Februar 1907], pp. 4-12.
29. Guggenbühl Craig Adolf. Macht als Gefahr beim Helfer. Zürich, 1971. 116 r.